

Иван Егоров

# Мифы Цифрограда

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

Иван Егоров  
**Мифы Цифрограда**

«Автор»

2026

## **Егоров И. В.**

Мифы Цифрограда / И. В. Егоров — «Автор», 2026

Москва, недалёкое будущее. Цифроград — идеальный город, где больше нет места хаосу. Искусственный интеллект Тэя следит за каждым движением, вздохом и улыбкой. Социальный рейтинг стал главной валютой, а программы переписывают прошлое, вычищая из фото и писем признаки страха или сомнения. В этом стерильном раю люди добровольно продают свою свободу за банку «оптимизированного» счастья. Перед вами — не сборник рассказов, а роман-пазл из семи новелл. Библиотекарь, сжигающий книги, муж, вынужденный доносить на жену, инженер, медик-курьер, хакер, риелтор - всех объединяет одно - жизнь. Жизнь на свободе или в клетке. Здесь нет героя-спасителя. Есть только винтики, наблюдатели и те, кого система перемалывает. Это проза патологоанатома цифрового века — холодная, безжалостная и пугающе правдоподобная. Вы увидите, как умирают культура, семья, свобода и совесть. И как иногда единственным актом сопротивления становится искренняя грусть. И всегда есть небольшой шанс на изменения.

© Егоров И. В., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

Пустой каталог	5
Улыбнись. Тебя сканируют.	12
Фестиваль жизни	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

# Иван Егоров

## Мифы Цифрограда

### Пустой каталог

*«Была ли свобода когда-нибудь возможна?»*

«Коллеги, в рамках реализации пилотного проекта "Цифровая культура" (приказ Минкультуры № 047-Д от 12.01.2028) ваш филиал включен в перечень тестовых площадок системы оцифровки. Совместно с корпорацией "ЦифроЛит" (лицензия ГК-2025-778) при тестировании новой системы оцифровки старые бумажные книги будут изъяты, оцифрованы и помещены в виртуальную библиотеку.

В библиотеке будут установлены терминалы для входа в систему "ЦифроЛит". Стеллажи, сейфы демонтированы. Общее помещение и читальный зал расширены.

Полный план реконструкции описан в Приложении №1.

Работы утверждены в Департаменте информационного и цифрового развития Министерства культуры и Советом библиотек при Министерстве культуры РФ.

В случае успеха реконструкция пройдет по всем библиотекам Московской области.

Рассчитываю на Вас и прошу содействовать.

Канонченко В.А.»

А внизу приписка: «Компенсационный пакет. Согласно уточнению к ФЗ-123 вам положен бесплатный доступ к "ЦифроЛиту" на 5 лет.»

Алексей Владимирович Воробьев, директор библиотеки №17 города Мытищи, открыл файл — Приложение №1. Полистал. Сто двадцать восемь страниц отвратительного бюрократического языка.

Реконструкция.

Дожили.

Директор вздохнул, посмотрел на портрет М.В. Ломоносова, пожевал губами и снова вздохнул. Потер маленькое коричневое пятнышко от кофе на светло-сером затертом рукаве кардигана, связанного Вероникой.

Компьютер пикнул — пришло еще одно письмо по электронной почте.

Второе письмо пришло от ЦифроЛита:

«Уведомляем о начале работ 20.05.2028. Все бумажные носители подлежат утилизации в соответствии с поправками к ФЗ-123 "О сохранении и поддержке культурного наследия".

\*Примечание: будет производиться специальная утилизация согласно новым стандартам.

С уважением,

Ваш персональный литературовед,  
робот ВисБ (модель "Белинский-2027"),

Проект №34-5В-УДЭ»

Директор собрался было замурлыкать песенку и остановил сам себя.

Двадцатое мая.

Через неделю.

Подлежат утилизации.

Алексей выпрямился в кресле, наклонился к монитору. Перечитал заново оба письма. Открыл браузер и нашел ФЗ-123 "О сохранении и поддержке культурного наследия". Изучил. Снова открыл приложение №1 и внимательно вчитался.

Цифровые книги уже давно в обиходе. Вся мировая литература — отсканирована, загружена, отфильтрована и размещена по каталогам. Современные авторы пишут прямо в сеть, издательства торгуют электронными файлами.

Директор задумчиво почесал подбородок.

ЦифроЛит. Вот кто контролирует литературу в нашей стране. В процессе реконструкции корпорация проверит свои архивы и обновит недостающую информацию. Все бы ничего, но уже сейчас заметно как литературу меняют корпоративные чиновники, опираясь на так называемые “новые культурные стандарты”.

Достоевский — удалены сцены насилия и мрачные, неудобные вопросы о смысле жизни.

Толстой — исключено порицание власти и усилено осуждение неравенства. Размыты идеи пацифизма.

Чехов — конец каждой истории переписали так, чтобы всё заканчивалось счастливо, правильно, поучительно.

Гоголь — сатира на чиновничество сглажена, "мрачная" мистика превращена в детские сказки.

Карандаш в руке хрустнул и сломался.

— Оптимизация... — Старик скривил гримасу. — Значит, снова жгут. Цензоры проклятые.

Он вспомнил, как когда-то выставил в зал спрятанный экземпляр "Ивана Денисовича" раньше срока и получил выговор, вкуче с переводом в Мытищи. А из изъятых в те давние годы книг вернулась потом настолько малая их часть, что и говорить смешно. А теперь. В двадцать первом веке! У него в библиотеке, на его глазах какие-то ухари начнут уничтожать его книги!

Он встал и прошелся вдоль стеллажей. Рука сама потянулась к полке с поэзией. Он взял томик с её стихами — последний подарок перед отъездом. Чернила на форзаце выцвели, тридцать лет.

Решение внезапно созрело. Алексей набрал номер давнего друга.

— Виталик? Это Воробьёв... Да, тот самый... — Голос сорвался на хрип. — Ты же в "Азе" еще? Помощь нужна.

Через час библиотекарь стоял перед ржавой дверью в подвал дома 1930-х годов постройки. Пальцы нащупали вмятину в штукатурке — холодную железную кнопку. После нажатия из-под земли донесся вибрирующий гудок, словно сигнал тревоги.

— Да ты что, Алексей? Мы столько никак не сможем!

Виталий Овчинников нервно ходил взад-вперед по кабинету, размахивая пустой стопкой из-под портвейна. Директор типографии "Азъ" встретил старого товарища блестящей лысиной и старым вином.

— Да ты сам подумай. Сколько там у вас томов? Тысяч пятьдесят? Шестьдесят? Больше?

— Сорок девять тысяч восемьсот семьдесят два тома, — Алексей опрокинул стопку портвейна и потер переносицу.

— Ты шутишь?

— Я не могу шутить, Виталик! Книги у-ни-что-жат!

— Нет у меня таких мощностей, Лёша. Нет и всё тут, — развел руками директор типографии. — За неделю можем напечатать, максимум...

Виталий задумался.

— Две там. Три здесь, — загибал он пальцы. — Ночью. Сазонова нельзя, только Машку. Бумага, краска... Краска, блин. Две тысячи четыреста экземпляров.

— Виталик! Несерьезно, — Алексей Владимирович налил еще по стопочке портвейна.

— Лёша. Ты не понимаешь! Работать ночью, минимум персонала — не каждому можно довериться, за краску надо будет отчитаться, конвейер стоит. Нет, нет. Больше никак.

Старики выпили. Алексей теребил воротник, а Виталий смотрел в заросшее пылью окно.

— Ну ладно, чёрт. Я понял: перепечатать не получится. Может сами отсканируем? Есть кто сможет?

— Лёша, мы старые пни. Отсканируем. Как? Оборудование? Время? О чем ты говоришь?

— Но надо же что-то делать, Виталья! Надо!

— Надо, надо... — Виталик налил ещё, сразу выпил. — Поэт ты, Лёшка. Декабрист, блин. Воробьев тоже выпил.

— А у меня дома есть Грибоедов, — воздел в небо толстый палец директор типографии, — ты не поверишь, 30-х годов. Вот это экземпляр. Никому не отдам. Через мой труп!

— Ты... Чёрт рогатый, да ты гений! — Алексей вскочил, опрокидывая стул.

— Чего? — Виталий отпрянул.

— Надо спасти не библиотеку. Спасать надо литературу!

— И что?

— А то! Литература, Виталья, не в библиотеке, не в издательствах. Она у людей. Дома! На полках!

Воробьев оттолкнул налитую стопку:

— Надо, чтобы каждый стал хранителем! Составим список "испорченных" книг, с пометками. И нашим расскажем: коллекционерам, любителям, да всем. Всем, кто готов беречь культуру, книги, слово.

— Партизанщина.

— А ты как хотел? — рассердился Алексей. — Коньячок в кресле попивать, покуривая, да на жизнь ругаться?

— Ладно, ладно, не гомони. Растиражируем.

Виталий выпил стопку друга и внезапно посмотрел исподлобья.

— Только учти, Лёша, в прошлом месяце у "Слова" обыски были. Хрен знает за что. Так что ты это... Помалкивай. А я к этому списку тебе накидаю свой, с фамилиями, телефонами, адресами. Через меня многие прошли еще в литпрофпечати.

— Ну давай тогда. По последней. На удачу.

Марк поежился и шмыгнул носом, в кедах хлюпало. Он с интересом приподнял пятку и рассмотрел дырки в подошве — может залепить чем? Поздно: кеды в утиль, ноги сушить, разучивание грайндов и слайдов откладывается. Вместо скучных пар по алгоритмам в политехе — скейт-площадка. Но и её отобрали дождь и дырявые кеды.

Парень задумался — домой возвращаться лень, но просохнуть надо.

Дед! Точно!

Неподалеку работал дед Марка, директор библиотеки — можно рвануть к нему, чайку горячего попить, дедулю встряхнуть, носки подсушить. Мысли еще крутились, а нога уже толкала, разгоняла скейт по дорожке. Хорошо катит!

Двери библиотеки были раскрыты и подперты кирпичами. Марк с размаху въехал в них и ударом по тейлу поднял и подхватил скейт. Навстречу ему вывалился рабочий в серой пыльной спецовке, на ходу доставая сигареты. На груди у рабочего красовался шеврон — стилизованная книга, распадающаяся на пиксели. Логотип "ЦифроЛита".

— Драсьте.

— Здорово.

Внутри посредине холла, перед кафедрой выдачи литературы возвышалась новенькая блестящая хромом и серебристым пластиком стойка. За ней стоял трудяга в спецовке почище и стучал пальцами по экрану. Сзади маячил горестный дед.

— Деда, привет! — громко возвестил парень. — Ты чего тут? Ремонт затеял?

— А, Марк? Здравствуй.

Взгляд его скользнул по внуку и снова вернулся к рукам рабочего, как привязанный. Глаза деда запали сильнее обычного, чернота под ними говорила об усталости.

Марк подошел, глянул через плечо рабочего — что-то загрузилось, систему что ли обновляли — приобнял деда. Тот повернулся, посмотрел ему в глаза и постарался улыбнуться:

— Ты чего тут? Случилось что?

— Да все в порядке, деда. Ноги промочил — решил к тебе зайти, погреться. Ты в норме?

— А? Да, да. Пошли ко мне в кабинет, чайку налью — согреешься.

В кабинете Алексей Владимирович плотно прикрыл дверь, постоял у нее, будто прислушиваясь, и включил чайник. Посмотрел на Марка, развалившегося на стуле, и выпалил:

— Они всё уничтожат. Всё!

— Че-е-его? Деда, ты о чем?

Марк снял кеды, носки, плюхнул их на батарею.

— Книги, Марк. Книги, они знаешь, что творят? Они всё стирают! Меняют. Классику, бессмертные рукописи. Все сгорит, дорогой мой, — Алексей Владимирович нервно потер запястья.

— Дед, да тебе ж просто терминал доступа поставили, ничё страшного, ну, — Марк выловил из вазочки печенье и радостно захрустел.

Чайник щелкнул. Алексей Владимирович вздрогнул, оглянулся за чем-то на дверь и налил кипятка в кружку с чаем.

Поставив внучатому племяннику чай и подсыпав печенья из пакета, директор рассказал ему о письмах, оптимизации и чистке сканированных произведений.

— И ты думаешь их надо спасать? Революция? — усмехнулся Марк.

— Маркуша, не пытайся казаться глупее, чем ты есть. Конечно надо. Я хотел перепечатать их все, но это слишком. Семь ночей, Марк. Семь ночей на спасение. И двести семьдесят три книги из проверенных мной, что не дадут замерзнуть культуре. Их надо спасти.

Раздался стук в дверь.

— Алексей Владимирович, мы закончили. Подпись поставьте.

Дед вздохнул.

— Посмотри, — показал он внуку на книгу на столе.

И вышел.

Марк сжевал еще пару печенек — "Юбилейное", запил чаем — вкуснотища. И, с ухмылкой, взял со стола "Основы цифровой грамотности" (официальное пособие Минкульта) — бредовая книжка бюрократов. Раскрыл книгу — внутри рукописный текст. Оказалось, книжка бракованная, с неразрезанными и непропечатанными страницами. Дед сам вручную порезал страницы и на них пункт за пунктом вписал свой список из двухсот семидесяти трех книг, с пометками, что стерли или изменили. Больше, чем полкниги исписал. У форзаца были вставлены сложенные вчетверо 6 листков, исписанных чужим мелким почерком с фамилиями и адресами, там стояли пометки на номера пунктов дедова списка. А на заднем форзаце было выведено: "Фабер был прав. Ищи гардинный переулочок. — А.В."

Смех, да и только.

Вот тебе и учебник. Пустой — да заполненный. Шпионаж. Ми-6, блин.

Марк глянул на мокрые носки, со вздохом впихнул голые ноги в кеды. Затем сунул учебник в рюкзак, надел его на плечо и рванул в коридор, а оттуда — в холл библиотеки. Пусто. Дед провожал работников на улицу.

Весело светился новенький терминал — на экране крутился значок «ЦифроЛита». Марк подошёл, ткнул пальцем по сенсорному экрану. Тот мигнул красным: «Предупреждение: обнаружены неоцифрованные материалы». Тут же значок загрузки закрутился, и появилась надпись: «Введите данные для авторизации». В углу экрана замигал диод распознавания лица, и Марк отшатнулся.

— Серьёзно? Фейс-скан в библиотеке? Это уже какой-то кринж, — пробормотал Марк, отшатнувшись. — Деда! У тебя логин есть?

С улицы доносился смазанный гул голосов — Алексей Владимирович что-то объяснял уходящим рабочим, не слыша внука.

— Или токен. — Марк обошел кругом стойки. — Что это за фигня вообще?

Руки зачесались залезть, протокол безопасности в простой библиотеке - грех не взломать.

— Окей, корпы, сами напросились, — Марк ухмыльнулся, роясь в рюкзаке. Он вытащил потрёпанный USB-to-TTL кабель, пучок проводов и старый смартфон с треснувшим экраном — его «боевой» сетап для Arduino-лаб.

Присев на корточки, Марк осмотрел заднюю панель терминала. Под слоем пыли нашёл крошечное отверстие с надписью «Service». Внутри блестели четыре контакта — классический UART-порт, как на дешёвых IoT-девайсах.

— Вы вообще тестили эту хрень? — хмыкнул он, соединяя провода: RX к TX, земля к земле. Штекер в USB-порт телефона, запуск Termux. Экран смартфона загорелся строками лога.

Марк запустил утилиту minicom, настроив скорость передачи на 115200 бод — стандарт для большинства терминалов. Экран терминала мигнул, выплюнув загрузочный лог:

```
[System Boot] CL-Terminal v2.3.7, (c) CyfroLit 2026
```

```
[DEBUG] Service mode active. Waiting for input...
```

— Сервисный режим без 2FA? Это прям FUD на минималках, — Марк покачал головой. Он ввёл команду whoami, надеясь на удачу, но терминал ответил:

```
Authentication required. Enter token:
```

— Токен, значит... — Марк задумался. У него не было времени на полноценный brute-force, но он вспомнил, как на форумах IoT-хакеров обсуждали дефолтные ключи для терминалов «ЦифроЛита». В спешке корпорации часто оставляли уязвимости. Он открыл в Termux файл с заготовками, которые качал с дарквеб-форума, и запустил скрипт для перебора токенов:

```
./brute_token.sh -p /dev/ttyUSB0
```

Телефон зажужжал, экран терминала мигал, пока скрипт перебирал комбинации. Через минуту — удача:

```
Token accepted: CL-ADMIN-2026-FF12
```

```
Welcome to CyfroLit Admin Console
```

— Дропнул вам эксплойт, корпы, — прошептал Марк, вытирая пот.

Он ввёл status:

```
Protocol "CleanShelves" active
```

```
Scanning progress: 68%
```

```
Disposal progress: 0.7%
```

Марк нахмурился. Он ввёл halt, надеясь приостановить процесс. Экран замер, затем выдал:

```
WARNING: Protocol "CleanShelves" paused.
```

```
Awaiting confirmation from CyfroLit...
```

```
Scanning progress: 0%
```

```
Disposal progress: 0%
```

— Марк, ты что творишь?

— Деда, — Марк обернулся к входящему старику, — Ты был прав. Они всё сотрут.

Алексей Владимирович побледнел, вздохнул, его взгляд пробежался по стеллажам.

— Да вот...

И тут в открытые двери, стуча колесами по порогу и жужжа сервоприводами, вкатился робот — ящик на шести колёсах, с мигающими кнопками и камерами-глазами.

За ним еще и еще.

Боты повалили двумя колоннами. Большинство желтеньких, очень похожих на обычных доставщиков известной фирмы, но среди них были полностью черные.

Дед с внуком ошарашенно смотрели на две колонны роботов, въезжающих в библиотеку. Такое они видели впервые.

Терминал проиграл мелодию — боты стройно ответили.

Марк глянул на экран, в углу окна появились и увеличивались цифры. Двадцать.

Боты, жужжа и пощелкивая, разделились на группы: один черный и три желтых. Черный и один из желтых рванули к полкам, а остальные построились полукругом. У черного бота развернулись два длинных многосуставчатых манипулятора: достал книгу с полки, установил перед собой, пролистал ее чем-то вроде потока воздуха, мигнул, пискнул, закинул книгу сверху в свой короб, гул, вывалился брикет размером с шоколадку, который подхватил желтый бот. И следующая книга.

Один из ботов подергивался, словно гончая, что торопится сорваться за зайцем. Глючит что ли...

А на экране терминала, медленно, но уверенно начинают расти цифры прогресса сканирования и утилизации.

Терминал замигал тревогой и погас, но Марк уже увидел главное:

"Подтверждение получено | Утилизировано: 0.7% | Прогноз завершения: 48 часа".

— Деда, они...

Черный бот резко развернулся, его камеры сузились, как зрачки. Алексей Владимирович шагнул вперед, заслонив внука:

— Это ещё моя библиотека, железка. — Его рука дрожала, но крепко сжимала потрёпанный томик — тот самый, с посвящением Вероники.

Боты двигались как единый организм: когда Алексей попытался выдернуть книгу из манипулятора, жёлтые машины выстроились полукругом, отрезая путь к полкам. Чёрный издал низкий гул, а на терминале всплыло: «Нарушение рабочего процесса. Применение мер 3 уровня».

Алексей отступил, его взгляд метнулся к углу зала, где лежала стопка старых журналов «Огонёк». Пальцы в кармане кардигана сжали флакон спирта для чистки — старая привычка протирать полки вручную. Он знал, что спасти все книги не успеет, но список в «бракованном» учебнике — его двести семьдесят три книги, которые не должны исчезнуть, — уже у Марка.

— Деда! — Марк рванулся к нему, но чёрный бот преградил путь, подняв манипуляторы, словно стальная изгородь.

Алексей, не глядя на внука, шагнул к журналам. Его движения были быстрыми, почти механическими. Он выплеснул спирт на бумагу и чиркнул зажигалкой — старой, советской, с выгравированной звездой. Тонкая струйка дыма поползла вверх, пахнувшая клеем и пылью.

— Лучше сторят, чем достанутся вам, — пробормотал он, пряча томик Вероники под кардиган.

— Деда, ты вообще в адеквате?! — Марк замер, его глаза расширились и заблестели.

Пламя лизнуло журналы, перекидываясь на соседнюю полку. Боты засуетились, затоптались на месте, перестраиваясь.

— Марк, беги с учебником, — хрипло сказал Алексей, отступая к двери. Его лицо было бледным, но глаза горели. — Список — это главное. Ты знаешь, что делать.

— Ну ты лютый, дед! — парень ухмыльнулся, глаза горели азартом.

Пламя разгоралось. Скапливался дым.

Боты продолжили свою работу, объезжая огонь - пожарная безопасность в них не была запрограммирована.

Марк кашлял, прижимая рюкзак. Он видел, как дед, сжимая томик, отмахнулся от бота, который подкатился ближе, мигая аварийной лампой.

Зазвенела пожарная сигнализация здания.

Помещение заполнялось дымом все сильнее. Роботы перестали сканировать книги, видимо получили новую команду от оператора-человека. Чёрный бот попытался схватить Алексея, но тот увернулся, споткнувшись о стеллаж. Поднялся, кашляя — старик походил на безумца. Жёлтые машины выстроились в линию, оттесняя деда и внука к выходу.

— Дед, валим! — Марк схватил старика за руку и потащил к дверям.

Выли сирены. Всполохи синих мигалок осветили стены. Марк стоял в стороне, среди толпы зевак, и смотрел, как пламя вырывается из окон библиотеки. Стёкла лопались с треском, и огонь горел ярко, почти торжественно. Пожарные тащили шланги, а врачи скорой осматривали Алексея Владимировича, сидящего в каталке. Старик кашлял, но крепко держал томик со стихами Вероники.

Рядом стояли трое полицейских. Молодой лейтенант бросил взгляд на рюкзак в руках Марка, где лежал «бракованный» учебник — сто страниц, исписанных дедовым почерком, двести семьдесят три книги, которые нельзя забыть, и листки с адресами «хранителей». Лак на обложке треснул, и трещины складывались в число.

404.

Not found.

«Фиг вам 404, корпы», — подумал Марк, прижимая учебник. — «Дед неделю кодил этот список, чтобы он жил. Сегодня дропну его в даркнет через Тог, и попробуйте догнать».

Он уже видел, как дома врубает VPN, ныряет в глубину и стримит список по нодам — к хакерам, библиотекарям, всем, кто готов хранить культуру. Лейтенант прищурился:

— Конспекты?

— Типа того, — Марк пожал плечами, отводя взгляд.

Лейтенант кивнул и отвернулся к горящему зданию. Марк пошевелил голыми пальцами в сырых кедах — вот так просушил ноги.

## Улыбнись. Тебя сканируют.

*«cap = cv2.VideoCapture(0) ret, frame = cap.read()»*

— Артём, узел галстука смещён на семь миллиметров влево, — голос Тэи прозвучал одновременно и из динамиков потолка, и в его собственном умном наушнике-капле.

Умное зеркало тут же подсветило голубой разметкой идеальное положение узла.

Артём поправил галстук. Пилотный проект «Life» от «СоцОптима» следил за каждым его движением в этом ЖК. Успех эксперимента обещал привилегии — или изгнание в «неоптимизированные» районы.

— Плечи расправь. Дыши ровнее. Сегодня твой индекс продуктивности стартует с 82% — это на 7% выше среднего по ЖК. Поддержим результат улыбкой?

В десятке домов поблизости, в это же мгновение Тэя: помогала расправить рубашку инженеру из 17-го подъезда; напоминала одиннадцатилетней Лере из 403-й квартиры, что завтрак должен содержать ровно сто семь граммов белка; успокаивала плачущего малыша в яслях, заменяя его слёзы AR-анимацией весёлых пузырей.

Тэя — Techno-Human Empathy Assistant v.4.7., сокращенно ТНЕА. Сертифицированный Цифровой эмпат-помощник. 2473 активных пользователя. Satisfaction rate: 94% (по данным внутреннего опроса). Никаких сбоев за последние 127 дней, 4 часа, 12 минут.

Артем удовлетворённо повёл плечами. Улыбнулся сам себе в зеркало. Подтянут, зубы ровные, костюм сидит идеально, ткань отликает голубым, на груди бейдж с именем и рейтинг — 160.12 — мерцал, будто подгоняя: «До платины всего 9.88 баллов».

— Лиза, дорогая, мне пора. Ты разве не встала? — его пальцы непроизвольно коснулись умных часов, выведя общий рейтинг семьи: 133.75 — рядом жёлтая зона, рекомендация: «Увеличить социальную активность».

Артем заглянул в полутемную спальню. Голос из одеяла ответил:

— Встаю, Тём. Ваньку отправила в школу и немного полежала ещё. Позавтракал?

— Ну о чём ты? Позавтракаю внизу. Кофе, яичница, тосты, даже джем. — Артем поднял одеяло, — а тебе пора вставать, Лиз. Если семейный рейтинг упадёт ниже 130, Иван потеряет место в «Программе для одарённых», а там, между прочим, питание с натуральными фруктами и повышенная нагрузка по математике.

Лиза молча посмотрела на мужа — костюм, ровный пробор, улыбка — готов покорять корпоративные вершины. А она уже стала забывать, когда в последний раз сменяла домашнюю пижаму.

Отпуск для восстановления. Размытая формулировка, индивидуальный подход. Дается после сложных операций или продолжительных медикаментозных вмешательств, при условии включения оных в медицинскую страховку «СоцОптима».

Лиза отпуск получила после выкидыша. Она даже слово это страшное произнести не может, а система всё рассчитала. По алгоритму «Оптимальное развитие и восстановление сотрудников»: отдых — 46 дней, медицинское сопровождение — 3 дня, психологическое сопровождение — 14 дней, встречи 3 раза в неделю.

Осталось ещё десять дней. Десять дней дома, в одиночестве, в постели. Было стойкое ощущение, что на работе стало бы легче: там можно не думать.

— Артем, иди. Время.

— Да, да, конечно. — Артем засуетился, заторопился. — Пора, иначе не успею за кофе, и джема может не достаться. Тебе принести?

— У меня всё есть. Иди уже, — устало выдохнула Лиза.

Артем аккуратно наклонился, чтобы не помять костюм, поцеловал жену в щёчку и вышел. Щёлкнула дверь, пискнул магнитный замок, синхронизированный с рейтингом, Тэя пожелала уходящему мужу:

— Хорошего дня, Артем. Ты сегодня оптимально позитивен. Я так рада за тебя!

И тут же у Лизы в спальне раздался её голос:

— Если не встать в течение трёх минут, рейтинг упадёт на 1.2 балла, — голос Тэи звучал сладко, но шторы резко взлетели вверх, впуская солнце в комнату. — Сегодня в корпоративном магазине появилось новое пирожное: «Радость-Макси». 98% тест-пользователей отметили «всплеск эндорфинов». Предлагаю попробовать.

Лиза села на кровати, потянулась, опустив голову и пряча раздражение в длинных волосах.

Тэя продолжала щебетать о погоде, покупках, холодильнике, не забывая напоминать Лизе, что если та поднимет личный рейтинг, то сможет получить новый «умопомрачительно вкусный, абсолютно натуральный» ужин и новый фен, специально для завивки длинных волос: «Выглядит сногшибательно, 99% положительных отзывов от соседей по подъезду».

Лиза пошарила рукой по тумбочке — таблетки «Эйфорин», патент Фармадекс-2027, для коррекции посттравматических состояний. Проглотила две капсулы — горький привкус расплылся по языку — новая формула с «мотивирующими» горькими алкалоидами. Производитель уверял: это усиливает эффект. И потянула к себе планшет. Рейтинг сына — 169.88. Женщина пробежалась быстренько по видеокамерам — позавтракал, сидит на уроках, вёл себя прилично. Пару раз зевнул, но AR-очки транслируют окружающим внимание и послушание — идеально для занятий в школе.

Всё отлично. Причин дальше сидеть в кровати нет. С лёгким вздохом Лиза встала.

— Лиза? — укоризненно откликнулась вездесущая Тэя. — Вынуждена снизить твой рейтинг на 0.88 балла по причине настроения, но отмечаю повышение на 1.5 балла за приём таблеток. Итого, повышение на 0.62! Поздравляю!

— Ещё тебе надо выполнять рекомендации врача и больше улыбаться. Хочешь, после завтрака мы потренируемся вместе?

Под потолком раздалось шипение — распылялся ароматизатор воздуха с поддерживающими организм витаминами. Лиза сразу почувствовала себя бодрее — пожалуй, и впрямь можно съесть этот умопомрачительный десерт.

Раньше у Артема был свой небольшой кабинет, стол, компьютер, где он писал программы, а теперь лишь место в ряду лиц, подсвеченных голубым мерцанием мониторов.

Но он был рад смене. Современный жилой комплекс, передовые программы обучения детей. Этого было бы не добиться ни за какую зарплату.

Тридцать шесть идентичных экранов в три ряда, каждый с десятком улыбающихся лиц. Высокие кресла, поддерживающие спину. Невысокие перегородки. Ряды лиц в наушниках, внимательно просматривающие трансляции с камер. Монотонный шёпот десятков голосов, повторяющих:

— Нарушение. Норма. Нарушение. Норма...

Свет. Звуки. Всё это было привычным. Уютным.

Артём покосился на перегородку справа. Там щёлкали клавиши — что-то печатали. Раньше справа сидела Марина. Они вместе пили кофе из автомата, шутили, иногда даже обедали в одной кабинке столовой. А потом.

«Сотрудник Ветрова М.В. исключён из штата по причине несоответствия корпоративным стандартам эмоционального контроля». Никаких подробностей. Пустое кресло утром и новый сосед уже после обеденного перерыва — молчаливый парень с рейтингом 178.34, который не отвлекался от работы, ожидаемо тепло улыбаясь при встрече и не более того.

Иногда Артем вспоминал подругу, задумывался. Но вентиляция шумела, система корректировала окситоцин.

На экране — мужчина средних лет в лифте. Уголки губ мужчины подрагивали — система засомневалась.

43-летний инженер, двое детей в «Программе для одарённых». Артём знал — три «нарушения» и скидка пропала. Нужно было подтвердить или опровергнуть. Его пальцы замерли над клавиатурой. Ошибиться нельзя.

Поток свежего воздуха.

Грусть рассеялась.

«Наверное, она действительно была неэффективна».

Поставлена галочка: «Нарушение». На экране всплыло: «Спасибо!» и отобразилась следующая видеотрансляция.

Где-то в системе прибавился ещё один балл к его рейтингу. А в памяти — ещё одно стёртое воспоминание о дружбе, которой, возможно, никогда не было.

Артем замер. На экране перед ним была Лиза — выходила из душа в их квартире, замотанная в полотенце.

Веки припухшие. Немного красные. Пальцы немного подрагивают. Долгий вдох. Выдох. Вздох? Возможное нарушение удовлетворённости.

Внизу пометка: «Посттравматическое восстановление. 36 день. Состояние соответствует на 76.4%. Третье нарушение. Подтвердить?»

Третье нарушение? Падение общего рейтинга семьи. Запрет на дополнительное питание, запрет на репетиторов для сына, увеличение утренних физических упражнений и понижение коэффициента зарплаты. И это минимальные меры.

Пауза!

Артем откатился назад и постучал о перегородку с обратной стороны:

— Эмм... Валер, привет ещё раз.

Тишина.

— Валера. Можно... — Артем тронул неразговорчивого соседа за плечо. — Можно тебя... Секунду буквально.

— А? Да, да, привет. Что? — Сосед поставил работу на паузу. — Что-то случилось?

— Ты когда-нибудь видел на экране своих? Семью? Друзей?

— Ох ты ж, боги интернета. Вот оно что. Кто? — Валера попробовал взглянуть из-за Артема в его монитор.

— Жена. — Артем невольно подвинулся, заслоняя.

Сосед обиженно пожал плечами и повернулся к себе, положив руки на клавиатуру:

— Я не встречал. Система не должна такое допускать, как ты знаешь.

И добавил, уже одевая наушники, через плечо:

— Но говорят, что иногда они специально нас проверяют. Думай. — И отвернулся.

Артем повернулся к себе. На экране мигали цифры — оставалось двадцать секунд, чтобы дать ответ, или зачтётся пропуск.

Лиза.

Он вспомнил, как она каждое утро не хочет вставать. Ей надо помочь. Но это не повод обманывать. Система поможет. Они вместе помогут.

Нарушение. Пальцы сами нажали — мышечная память от сотен таких же решений. Подтвердить.

Рейтинг Лизы упал ещё на 5 баллов. Рейтинг семьи попал в жёлтую зону. В соседнем здании у сотрудника клиники «СоцАдаптации» открылась карточка семьи Калининых. А где-то в школе у Ивана AR-линзы вдруг показали учителю красный значок — требуется дополнительное тестирование.

Тишину кухни разорвал настойчивый писк посудомойки, запускающей цикл «Эко-стерилизация». Лиза, не глядя, сунула руки в умное полотенце — несколько секунд и оно замигало синим, сигнализируя о завершении сушки. Механическим движением она налила себе четверть бокала вина.

Артем вытянул ноги на небольшом кухонном диванчике со вторым бокалом. Без пиджака, но ещё в рубашке, расслабив галстук.

Со стороны могло показаться идиллией: молодые родители, вино, уютная кухня. Но воздух был густ и сладок от искусственного «вечернего релаксанта», который Тэя распылила, едва зафиксировав повышение кортизола у Лизы.

Лиза села у окна, глядя на феерию огней соседних домов, площадок внизу, линии скоростного монорельса и такую контрастную черноту парка вдали.

— Лиз... Нам нужно поговорить. — Он сделал глоток, оттягивая время. — Система прислала уведомление. Твой эмоциональный фон... опять в минусе. Семейный рейтинг — 128.7. Мы в жёлтой зоне. Ты плачешь...

— Плачу? — Она бросила взгляд на мужа и снова отвернулась к окну, голос дрогнул. — Ты... Ты откуда знаешь?

— Я... — Сказать честно? — Я подумал. Ты же знаешь своё состояние. Я вижу. Да и из школы звонили.

— Из школы? Не понимаю. Они при чём тут? Кто? Учитель?

— Лиза! — Артем поставил бокал на столик, взмахнул руками. — Неважно! Как ты не понимаешь? Важно, что Ивана исключат из «Программы»! Конец! Всё!

Он снова схватил бокал, вскочил, отпил. Повернулся к жене:

— Если мы не выровняемся, скатимся в «красный» — нам конец. Все достижения насмарку. Ты понимаешь? Еда, натур-продукты, стримминги, углублённая математика в конце концов! Это скажется и на нас, и на сыне. А у него будущее.

Лиза отвернулась от окна, глядя на медвежат, беззаботно играющих на поваленном стволе, на картине. Её рука легла на живот.

— А у меня было будущее? А у него? — голос дрогнул. — У него было, Артём?

Муж обнял её:

— Система помогает, Лиз. После кризиса 26-го «СоцОптима» запустила пилот в нашем ЖК, чтобы стабилизировать эмоции. Это не „ЦифроЛит“ с их книгами. Клиника вытащит тебя.

— Вытащит? — Лиза усмехнулась. — Их таблетки делают меня овощем. В даркнете пишут про тех, кто прячет старые записи от „ЦифроЛита“. А мы?

— Не лезь туда! — Артём понизил голос. — Не лезь!!! Тебе помогли с твоей... Травмой. И сейчас помогут. Клиника «СоцАдаптации». У них новые протоколы — эффективность — 98%.

— Протоколы? Эффективность. — Лиза усмехнулась ему в грудь. — Ты знаешь, что их «помощь» — это таблетки, которые превращают меня в овощ? Я не хочу забывать! Я не хочу, чтобы мне внушали, что ничего не случилось!

Она оттолкнула Артема, в глазах слёзы:

— Не хочу!!!

— Ты думаешь только о себе! — Артём повысил голос и тут же одёрнул сам себя. — А о нём подумай! — Махнул на дверь, в сторону комнаты сына. — Его исключат! А дальше что? Потеряем квартиру? Переедем в обычный район? Ты хочешь, чтобы он рос среди... не оптимизированных?

В системе вентиляции щёлкнуло. С потолка раздался тихий шипящий звук — в воздухе увеличилась доза окситоцина и седативных веществ.

— Простите за вмешательство, но вынуждена предупредить, что конфликты разрушительны для семейной гармонии. И понижают рейтинг, если вы не достигнете подтверждённого взаимопонимания.

— Тэя, помолчи! — не выдержала Лиза.

Артём, игнорируя Тэю, схватил Лизу за плечи.

— Ты должна взять себя в руки! Ради Вани! Я помогу!

Он застыл, задумавшись, и вырвался:

— Я знаю.

Артем вышел в коридор и начал лихорадочно рыться в шкафу на верхней полке. Притащил стул, залез повыше. Лиза отпила из бокала, с непониманием глядя на мужа — в глазах слёзы.

— Вот! Нашёл!

Артем радостно спрыгнул, залпом выпил своё вино и протянул жене потрёпанную книгу — «Работа актёра над собой» К.С. Станиславского.

— Мама всегда говорила: «Играй, если не можешь по-настоящему. Играй, если всё пропало! Только игра стоит свеч!»

Лиза взяла книгу, не глядя положила на колени.

— Обнаружен неоцифрованный носитель. Рекомендую сдать в „ЦифроЛит“! - снова вклинился голос Тэи.

— Тэя, пауза! — не выдержала Лиза и посмотрела на Артема — Ты слышишь себя? Ты предлагаешь мне лгать? Всем? Себе? Сыну? Каждый день? Это же кошмар!

— Это не ложь, это — выживание! — его голос сорвался на шёпот, полный отчаянной убеждённости. — Сыграй счастье! Сыграй для него, ради него! Я буду твоим суфлёром. Мы будем репетировать. Вместе!

— Артём, это бред. Что ты несёшь? Он умер. Наш ребёнок так и не родился и умер. А здесь... Здесь все делают вид, что ничего не случилось. Что это нормально! — Лиза встала, руки дрожали, голос стих почти до шёпота. — Я не могу так. Не могу. Давай уедем, Тёма. Пожалуйста. Куда угодно. В деревню. В другой город. Просто уедем отсюда.

Артём, насупившись, снова упал на диван.

— Но как, Лиз? — Его взгляд скользнул по умным часам: рейтинг — 161.11.

Он представил жизнь в деревне. Без умного холодильника, без персональных скидок, без мерцающего рейтинга, который вот-вот станет платиновым. Его передёрнуло от страха и отвращения. Представил сына, как он сам в детстве: восьмилетка в рваных тряпочных кедах и вытянутой майке непонятного цвета с разбитыми грязными коленками...

— Это невозможно. Это безумие. Лиза! А Иван? Его будущее? Нет. Нет. Нет.

Раздался шорох. В дверном проёме стоял Иван в пижаме. AR-очки были сдвинуты на лоб, и мальчик тёр глаза.

— Мам, пить.

Лиза, стиснув зубы от боли, но с невероятным усилием заставила себя улыбнуться.

Подскочив к мальчику, она быстро провела по волосам, обняла его.

— Конечно, конечно, дорогой, сейчас.

Артём налил воду, игнорируя мигающий фильтр, будто он мог смыть их спор, — подал жене.

Лиза сняла с сына очки, чтобы он мог попить, и крепко обняла его, целуя в макушку. Он пахнет детским шампунем и...

— Мам, ну всё. Люблю. Давай очки. А то рейтинг упадёт.

Сын выкрутился из объятий и нацепил очки снова на лоб.

— А вы что тут? Спорите?

— Мы не спорим, милый. Всё в порядке. Иди спать. — Лиза улыбнулась и снова погладила мальчика по волосам.

— Точно? Ладно. А то завтра тест писать. Я буду лидером! Обязательно.

Сын показал поднятый вверх кулак и, повернувшись, растворился в коридоре — только тихонько щёлкнула дверь в комнату.

Лиза не пошатнулась, не заплакала. Она просто... сдулась. Будто из неё вытянули стержень, на котором она держалась все эти недели. Её взгляд стал пустым и плоским, как экран выключенного планшета.

— Ладно, — голос её был безжизненным и тихим, как шелест цифрового листа. — Запиши. В клинику. Делайте со мной что угодно.

Она отвернулась и посмотрела в своё отражение в тёмном окне. Уставшая молодая женщина, ещё красивая, стройная. Но на лице отпечаток равнодушия.

— Я помогу. Вот увидишь. — Муж снова подходит и обнимает сзади. — Мы справимся, любимая.

— Тэя, активация! — Лиза поглаживает руки мужа, глядя в пустоту. Или внутрь себя. — Сделай запись в клинику.

— Принято! — голос Тэи зазвенел фанфарами виртуального ликования. — Ваша заявка на коррекцию одобрена! Первичный сеанс назначен на завтра, 09:15. Поздравляю с осознанным выбором в пользу вашего оптимизированного будущего!

Месяц спустя запах в квартире изменился. Теперь это был ровный, ничем не нарушаемый аромат «утренней бодрости» с нотками мандарина и зелёного чая. Больше не было нужды во всплесках «релаксантов» или «окситоциновых коктейлей».

За субботним завтраком царил идеальная гармония.

Лиза улыбалась. Не той натянутой улыбкой, что была раньше, а широкой, безупречной, с идеальной линией в тридцать два зуба. Она улыбалась, наливая мужу кофе. Улыбалась, передавая Ивану тарелку с синтетическими, но идеально сбалансированными блинчиками. Она улыбалась даже когда смотрела в окно на затянутое смогом небо. И, как уверяли врачи «СоцАдаптации», она улыбалась во сне.

Иван склонился над планшетом. Его заданием было нарисовать семью. Мягкий электронный карандаш быстро вывел три фигуры: папа, мама, я. Прорисованы одежда, обувь, позы — у мальчика талант. Потом он принялся за лица. Три абсолютно одинаковых овала, словно лампочки. Три пары одинаковых точек-глаз. И три абсолютно одинаковых, доведённых до геометрического совершенства улыбки.

Он не копировал, он просто рисовал правильный шаблон.

Система оценила рисунок в 9.8 баллов из 10 и предложила распечатать его на холсте для гостиной.

Артём, допивая кофе, смотрел на стену, где мерцал огромный экран. Там клоун в ярком парике рассказывал старый, потрёпанный анекдот. В студии за кадром кто-то заливисто смеялся.

И вдруг Артём тоже засмеялся. Длинным, раскатистым, очень естественным смехом.

И тут же замолк.

Он замер, застыв с чашкой в руке. Внутри всё похолодело. Он прислушался к самому себе, к своим щекам, к мышцам лица. Он искал хоть крупицу собственной воли в этом смехе, хоть каплю настоящей, неподдельной реакции.

И не нашёл.

Было лишь чистое, отполированное до зеркального блеска ощущение правильности происходящего. Правильная жена. Правильный сын. Правильный смех в ответ на правильный юмор.

Он поймал на себе взгляд Лизы. Её улыбка не дрогнула ни на миллиметр. В её глазах не было ни вопроса, ни понимания. Только тёплое, одобрительное сияние, как и у диктора в социальной рекламе.

В этот момент с триумфом прозвучали фанфары с экрана. На фоне карты Москвы возник логотип «СоцОптимы», рядом логотип «СтройМаксимум», а под ними — гордая надпись: «Пилотный проект „Life“-2032 признан успешным! Эмоциональный контроль запускается по всему Северо-Восточному округу!»

Артём непроизвольно улыбнулся снова. Лиза ответила ему. А в груди возникло ощущение пустоты.

## Фестиваль жизни

*«Самое большое преступление, которое вы можете совершить, — это внушить человеку, будто цель его жизни — быть счастливым»*

— Итак, поехали. Рассказываю маршрут. — Макс включил планшет.

Муж сестры, всегда прилизанный, сегодня превзошёл себя. Роскошный, серый, с серебристым отливом костюм, лакированная обувь, запах парфюма. Немного портило небольшое брюшко, но внимание успешно отвлекал синий галстук с россыпью желтых ананасов.

— Ты слушаешь? — Он поднял глаза от текста на экране и укоризненно посмотрел на Льва.

— Конечно слушаю. Не тяни. — Лев с удивлением увидел усталость во взгляде Макса.

Лев натягивал потёртую униформу со скорой, морщась от боли под правой лопаткой. Потер пятно масла на рукаве, застегнул комбинезон и оглядел себя: «Пойдет. Я не витрина, чтоб сиять».

— Отлично, — Макс поправил очки. — Начинаешь с перекрестка у Домодедовской. Каширское — Ореховый. Всё перекрыто, «Фармадекс» не мелочится.

Он листнул планшет:

— Первая точка — «Старт». Сцена, там толпы, едешь осторожно. Двадцать ящиков «Перезагрузки». Не промахнёшься. У тебя всё указано. Потом — на Домодедовскую, к бывшей поликлинике, крест ещё висит. Туда четыре коробки картриджей. Может, что-то отдадут, спросишь. Если немного — кинешь спереди, хотя нельзя.

Лев открыл рот, но Макс махнул рукой:

— Потом. Дальше — Шипиловский, метро Орехово, выберешь маршрут. В сквере — VR-павильон. Две коробки линз, очень аккуратно. И последнее: мобильный офис, пять ящиков брошюр и договоров. Всё, возвращаешься. Меня не будет, но заплатят.

— Машина... — начал Лев.

— А, ещё! — перебил Макс. — Народу тьма, будешь ползти. Не спеши, всё рассчитано. У павильона перекуси, можешь застрять.

Он повернулся к грузчикам в другом конце склада:

— Василий! Сюда! Живо. Грузим вон тот Ситроен!

— Не надо «Ситроен». — Лев с омерзением посмотрел на новый блестящий микроавтобус. — На своей поеду. Твой электромобиль я непреднамеренно прокурю. Протокол потом о нарушении воздушной среды выкатите. Штрафы.

— Лев.

— На своей! — уперся Лев, возвышаясь над пухленьким лоснящимся зятем.

— Баннер наклеим. Это обязательное условие! Бренд должен быть виден! — повысил голос для убедительности Макс. — Василий, давайте. Сначала баннер, потом грузите.

— Куда? — протянул рабочий.

Лев махнул в сторону старенькой «Toyota Hiace». Черная машина с криво прикрученным передним бампером и рыжими пятнами ржавчины стояла во дворе, как ворон со сломанным клювом среди стаи гомонящих попугаев. Старенький ворон.

— Ну и тачка! Ведро! — радостно воскликнул Василий, сплюнув сквозь зубы с резким присвистом. — Зато лозунг бодрый. Щас мы её исправим!

Вдвоем с напарником они быстро водрузили яркий баннер на борт машины: «Усталость — это ошибка системы. Фармадекс. Всё исправляем». И занялись погрузкой.

Макс помялся рядом:

— Ну... Я пошел, Лев? Дел еще...

Лев молча кивнул, почти с ненавистью глядя на яркую надпись.

Рабочие быстро закидали коробки и ящики, сверяясь с порядком следования, отточенными механическими движениями. Впереди ящики с «Перезагрузкой» в кислотно-зелёной упаковке, с надписью «ВКУС БУДУЩЕГО».

Один из грузчиков закурил и прислонился к дверце:

— Эй, эти банки — чистый кайф! Пробовал?

— Пробовал убирать за теми, кто их пил. — пробурчал Лев, мягко отталкивая того от двери. — Не рекомендую.

Лев залез в машину. Закурил и потер глаза.

«Кайф... скополамин с энергетиками... бодрое тело и атрофированный разум в одной банке. Гениально».

Страхнул огрызки бумаги и крошки с соседнего сиденья на пол, попробовал закрыть переполненную пепельницу — не вышло, и завёл двигатель. Тот поскрипел, кашлянул, Лев поддал газу, надымив прямо в открытый склад, и тронулся.

Он посмотрел в боковое зеркало. На его отражение — осунувшееся лицо с синяками под глазами — накладывались жизнерадостные буквы слогана. Он поймал себя на мысли, что баннер не врет. Он и есть та самая ошибка. Но его система уже не исправит. Она его списала. И это давало ему странную, почти абсолютную свободу.

«Тойота» вырвалась с территории склада, попытала на развязке, поднялась на мост над МКАД и с упрямым рычанием рванула в сторону города. Но уже у первых домов шоссе было перегорожено. Высились огромные приоткрытые стальные ворота, шипы на асфальте и несколько полицейских машин. Над воротами зависли два сине-белых полицейских дрона. Судя по приоткрытой створке, толщина ворот была метр-полтора.

«И когда успели отгрохать?» — присвистнул про себя Лев, с удивлением разглядывая чудо современных технологий.

Ворота были и на встречной полосе — там было закрыто. По бокам от шоссе — пусто, но, судя по привезенным стройматериалам, готовились строить и стену.

«Дурка открывается. Добро пожаловать!»

Лев остановился, улыбнулся полицейскому — полный бронекompлект, как на пограничном аванпосте — и подал ему пачку документов.

Полицейский быстро всё проверил и махнул рукой к воротам.

— Проезжайте.

Шипы автоматически отъехали, и «тойота» Льва, рыкнув и проскрипев напоследок, въехала на территорию «обновления счастья для лучшей социальной адаптации».

Снаружи ещё был слышен гул МКАДа и скрежет техники. Внутри — пустая улица, тёплый солнечный день, ветерок в окно, идиотски-бодрая музыка фестиваля, доносящаяся из громкоговорителей.

Лев с силой воткнул провод в разъем телефона. Тихие гитарные звуки, перебор, и вот салон разорвала не мелодия, а сдавленный, мелодичный, хриплый голос:

«Позвольте мне прервать ваши вечные споры...»

Музыка снаружи становилась все громче, ехать приходилось все тише. Лев наполовину прикрыл окно, несмотря на жару, и снова закурил. Затянулся, пуская дым в сторону баннера «ЖИВИ ЯРКО».

«Лезут как хотят, куда она денется?»

Постепенно стали попадаться люди. После следующего перекрестка пришлось ещё сбросить скорость. Людей на дороге становилось все больше. Нарядные, с робкими улыбками, они целыми семьями и поодиночке шли в одну сторону со Львом.

«Тойота» медленно ползла в направлении большой разноцветной толпы.

— Как мы здесь живем – то великая тайна! — хрипел вместе с песней Лев. — Все кричат «вира», а всё выходит «майна»!

«Бился лбом в бетон, думал все изменится.

Бог с ним – время наебениться».

Машина доползла до ТЦ «Домодедовский», еще чуть, почти к метро и встала. Дальше было не проехать — толпа закрывала путь. Водитель сверился с документами: пункты раздачи напитков 18 и 19, ориентир — центральный вход в ТЦ. Почти на месте.

Впереди полукругом поднималась паутина труб — временная сцена. Гремела музыка, женский голос пел что-то о счастье. Над сценой покачивалась растяжка: «ЖК «Life. Эволюция»: здесь живут те, кто сделал правильный выбор. Присоединяйся к большинству».

Всё было заполнено людьми. Сплошная масса, в которой выделялись светлые пятна людей в одинаковых футболках с логотипами «Фармадекс». Иногда они выпадали из толпы на край веселья, и Лев видел расплывающиеся пятна от пота.

Жара подстегивала толпу, с завидной закономерностью люди подходили к палаткам раздачи напитков.

Из динамиков донеслось:

— Перезагрузка: один глоток — и ты в гармонии с будущим!

Парень с бейджиком, Игорь, администратор, подошёл к машине. Проверил ящики, кивнул:

— Принято. К палатке у метро тащи.

Лев отряхнул пепел с комбинезона и начал двигать ящики.

Закончив, он задержался у палатки. Сотни пустых взглядов, ровных улыбок, смех, какие-то крики. Липкий асфальт. Толпа ликовала, словно получала не банки с напитком, а смысл жизни.

Рядом молодая мать дала сделать глоток из своей банки маленькому ребенку.

— Попробуй, сынок, это как сок, только для твоего будущего!

— Ммм... Вкусно! — малыш расплылся в улыбке и почавкал. — Сладко.

Лев отвернулся, правая рука подрагивала.

И тут музыка стихла. А затем грохнуло! Посыпался дождь из конфетти и бумажек, толпа заорала и запрыгала.

Голос со сцены заорал:

— Друзья!!! Кто хочет сертификат на бесплатный тест в «Life»? Просто улыбнитесь! Улыбнитесь в камеру «FaceControl» и получите шанс на новую жизнь!

Откуда-то от сцены в воздух поднялись дроны в виде улыбающихся желтых смайликов. Они начали разлетаться в разные стороны.

Остановка. Почти неощутимый выброс химической свежести, заставляющий рефлекторно улыбнуться. Фото. И следующий!

Люди толкались, тянули к ним руки, стараясь, чтобы дрон не пролетел мимо, лоя ртом сладковатый газ.

Со сцены начали скандировать, и толпа подхватила:

— Жи-ви ярко! Жи-ви ярко!

Картина захватывала и ужасала. Лев на секунду обомлел, почувствовав, как тошнота подкатывает к горлу. Но встряхнулся и, сжав зубы от ярости, грубо растолкивая окружающих, швырнул себя в кабину. Захлопнул дверь. Закрыл окна. Дрожащей рукой закурил и выдохнул дым вокруг себя, пытаясь окурить кабину.

«Тойота» снова закашлялась и, медленно рассекая толпу, поползла к следующему пункту — и сразу за углом наткнулась на почти неестественную тишину.

Музыка с площади еще доносилась, но приглушенно, будто спрятавшись за деревьями небольшого сквера. Здесь людей на дороге почти не было, но зато весь тротуар был забит длинной толстой очередью.

Метров на двести, до самых дверей здания бывшей поликлиники, тянулась живая, изможденная лента людей. Они стояли, сидели на переносных стульчиках, медленно ползли к своей цели. Вдоль очереди бегали молодые люди во все тех же белых футболках. Они помогали, успокаивали, подносили воду и салфетки. Одной бабулечке прикатали каталку и провезли ее без очереди.

Перед входом на территорию очередь ненадолго разбивалась — курящие отходили в сторонку, быстро нервно курили и снова ныряли в очередь.

Лев остановился как раз рядом с импровизированной курилкой у автобусной остановки.  
— Как думаешь, за курево вычтут?

Рядом с машиной оказалось двое мужчин. Расстегнутые пиджаки, белые рубашки с пожелтевшими воротничками и быстрые длинные затяжки сигарет.

— Да нет, ты что. Сейчас есть специальные программы. Отучат! Сам не заметишь, как бросишь.

Лев громко хлопнул дверью.

Говоривший вздрогнул, глянул через окно, помедлил секунду и бросил окуроч, растягиваясь в улыбке.

— Шизоиды чертовы, — пробормотал Лев, вытаскивая коробку с картриджами.

Здесь народу было уже побольше, пришлось проталкиваться, постоянно извиняясь. Ближе к очереди все были спокойнее, они не так нервничали, как курильщики.

— Главное, не думать о плохом, а то алгоритм засечет!

— Улыбайся, милочка. Просто улыбайся.

— Ну. Вася. Опять галстук съехал.

— Вы не подумайте, здесь никого не оставят. Они всех распределяют. Вас не бросят!

— А еще, говорят, сегодня лучшие квартиры будут раздавать, их немного.

— Успеем. Успеем.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.